

Ольга Яблонская

Легенды и сказания о бабе Дине

Вместо предисловия

Однажды в одной из довольно безнадежных дискуссий по поводу сами знаете чего я познакомилась и виртуально подружилась с одним классным одесситом. А в честь знакомства сказала моему новому другу: «Берегите Одессу, это и мой город, из Одессы пошел весь мой известный мне род, там жила моя прабабушка, там родились мои бабушка и мама, там оставались родственники и друзья – жаль, что я потеряла с ними связь...».

– Давайте я попробую их найти, – предложил мой друг, который по-настоящему знает и любит свой город и его историю. И, выяснив у меня все возможные фамилии, даты и адреса, стал искать.

К сожалению, он не нашел следов живых людей – видимо, старшие умерли, а молодые моих лет разъехались. Но обнаружил вот такое упоминание: «Прачечная Недлин. Тираспольская улица, 13, 1914 год».

Надо будет при случае спросить у Олега Губаря, сохранилась ли ведущая к Молдаванке улица, сохранила ли она свое название... Может быть, вдруг даже сохранился и дом, где жила и держала свою прачечную моя прабабушка Дина Яковлевна Недлин.

То есть держала прачечную – это, пожалуй, слишком громко сказано: работников у нее не было, она стирала сама. Но имела, по ее собственным словам, собственное дело (в ее терминологии – «магазин»).

Именно она, неграмотная прачка, первая в нашем роду по материнской линии научилась читать. Но раньше, чем научилась грамоте сама, она дала гимназическое образование своим детям –

моей бабушке и ее брату. Помните, Глазастик Финч говорила, что хорошее происхождение – это у тех, чьи предки раньше научились читать?

Так вот, своим происхождением – хорошим или дурным – я обязана бабе Дине. Она дожила почти до ста лет, мне было уже 15, когда она умерла, и я очень хорошо ее помню.

Архивное упоминание, найденное Олегом, навело меня на вполне пока сохранные, но не совсем точные воспоминания, которые, наверное, правильнее всего было бы назвать «Легенды и сказания о бабе Дине».

Легенда первая, скорее быль

Наша баба Дина родилась в последней трети 19-го века (никто точно не знал, когда именно: на уровне внуков и правнуков она, как многие красавицы, давно уже мухлевала с возрастом, включая документы), в каком-то забытом всеми богами местечке в черте оседлости, и была каким-то более или менее средним ребенком в семье, где всего их было шестнадцать.

Подросши, она сделала своим религиозным родителям примерно такое заявление: мне плевать на ваш Закон, я не буду плодить голоту, я поеду в город, и у меня будет двое детей – мальчик и девочка, но я дам им образование и научу их играть на пианино.

Вообще-то, для галутной семьи конца 19-го века это было довольно стремное заявление, но бабуля что сказала, то и сделала. Уж не знаю, при каких обстоятельствах и в какой последовательности она добралась до Одессы и вышла замуж за моего прадеда Нусина – не знаю, и спросить уже не у кого. Знаю только, что отца ее звали Янкель Злачевский, а в замужестве она взяла фамилию супруга – Недлин.

Еще я знаю, что мальчик и девочка (именно в этой последовательности), которые у нее родились один в 1900-м, а вторая в 1902-м, получили-таки гимназическое образование: уже держа свою прачечную, бабуля обстирывала бесплатно начальника и начальницу двух гимназий, а дети за это учились (классическая история «кухаркиных детей»).

Пианино, на котором прачкины дети учились музыке, до сих пор у меня стоит: когда-то вполне приличный (хоть и тогда уже подержанный) инструмент фирмы «Вагнеръ и Лисянскій», расхожий, но настоящий «модерн» с латунными подсвечниками и слоновой кости клавиатурой. Моя бабушка всю жизнь играла на пианино, на котором училась музыке девочкой. Я помню его звучание.

В процессе жизни один из подсвечников отвалился, дека лопнула, но слоновая кость на клавишах сохранилась, только пожелтела.

Боюсь, что реставрировать инструмент невозможно: даже если это возможно технически, мне никогда на это не заработать. Но пока я жива, я с ним не расстанусь. Пускай потом дети как хотят разбираются.

Легенда вторая, совсем легендарная

Наша баба Дина была анархисткой. Не только по темпераменту, но и по политическим убеждениям. К тому же, темперамент ее большевичка-дочь впоследствии пригасила (анархисты супротив большевиков просто дети, это я вам практически по опыту говорю), а политические убеждения баба Дина сформировала еще до рождения детей.

Так вот, когда дети уже родились, она – молодая и статная библейского типа красавица – продолжала играть в свои анархистские игры. И однажды засунула сданные ей на хранение товарищами по партии листовки и прокламации в колыбель моей бабушки – впоследствии большевички, а на тот момент, ясное дело, безмятежно спящего младенца.

Нагрянули с обыском жандармы – царские, между прочим. Обыскав квартиру, ничего не нашли, и один из них попытался было приблизиться к бабушкиной колыбели, но не успел, потому что баба Дина встала у него на пути и с размаху въехала ему по морде.

Командир жандармского подразделения оттолкнул подчиненного, отдал бабе Дине честь, сказал с почтением: «Извините, мадам!» – и с шиканьем вытолкнул свою команду на улицу.

Баба Дина до конца жизни хранила восторженную любовь к анархистам и уже на моей твердой памяти яростно ругалась

с телевизором, когда там показывали советские фильмы про гражданскую войну с гротескными образами ее кумиров.

Говорила – или они шо-то знают об эти люди, шо они мне так показывают, тю, холера на них!

Да. Анархистов любила, а жандармов не жаловала. Но очень гордилась одержанной над ними победой, которую не в последнюю очередь и не без оснований относил за счет своей красоты.

Легенда третья, вещественно подтвержденная

Наша баба Дина, несмотря на все свои анархистские и по тем временам феминистские амбиции, была умелой и спорой хозяйкой – до глубокой старости она оставалась на хозяйстве в своей большой и довольно в этом смысле безалаберной семье: мыла-стирала, стряпала-убирала, иногда на досуге шила и вышивала.

Но если на моей памяти шитье было для нее занятием скорее факультативным, вроде чтения (кстати, научившись лет сорока отроду читать, она читала в любую свободную минуту), то в молодости это было частью ее повседневных домашних обязанностей.

То есть прадед, может, и пошил свою единственную элегантную тройку у профессионального одесского портного, но на себя и на детей баба Дина шила сама. Дети были как куколки, хотя очень высока вероятность, что примерно до 1914-го года она шила на руках.

Так или иначе, незадолго до августа 14-го баба Дина приобрела в кредит швейную машинку фирмы «Зингер» – с ножным приводом.

Естественно, с началом мировой войны, а может, и чуть раньше, вражеская немецкая фирма стала спешно собирать свои российские манатки и свернула все свои российские филиалы.

То есть получилось, что грозный поворот величественного колеса Истории не позволил бабе Дине не то что выплатить кредит, а даже внести по нему первые взносы.

Кажется, это был единственный за ее столетнюю жизнь удачный гешефт, и она до конца своих дней трогательно гордилась

своей вполне невольной оборотистостью, с удовольствием рассказывая внукам и правнукам, как ловко они с Историей надули фирму «Зингер».

Прабабкина машинка сейчас хранится у моего брата. И вы будете смеяться, но моя невестка, братова жена, иногда на ней немножечко шьет.

Легенда четвертая, достоверная, отчасти подслушанная

Наша баба Дина, когда мы стали жить отдельно, часто приезжала к нам в гости на семейные и прочие праздники. А жили мы в смешной полукommунальной квартире, соседствуя с очень милой семьей, в которой тоже была патриархша-прабабушка, на пару лет старше нашей.

В отличие от нашей семьи, которую баба Дина лично выскребла из неведомых глубин черты оседлости, соседи наши были из евреев, еще в позапрошлом веке допущенных жить в столицах, то есть из благородных. Их бабушка называть себя бабой Ниной запрещала, и даже я, малолетка, величала ее только Ниной Григорьевной.

В комнатухе, которую для нее выгородил любящий и преданный сын (Нина Григорьевна мне разрешала к ней приходиться смотреть «Спокойной ночи, малыши!», у нас телевизора не было), висели два фотопортрета: улыбающейся юной и пышноволосой красавицы в декольтированном бальном платье, с густым жемчужным колье на изящной шее, а еще – солидного седовласого бородатого господина в дореволюционном военном мундире.

Так вот, когда баба Дина приезжала к нам в гости, она непременно посещала соседку Нину Григорьевну со светскими визитами, которые обеих радовали – и то сказать, социально близких сверстниц обе перехоронили, да и социальная пропасть, разделявшая их когда-то, была существенно адаптирована десятилетиями советской власти.

Но все же просматривалась. Несмотря на то, что дети и внуки аристократки Нины Григорьевны были в ту пору точно такими же советскими интеллигентами, как и мои родители, она свою вполне

желанную гостью все же полагала простушкой и плебейкой, а баба Дина, в свою очередь, считала ситуационную приятельницу старухой (еще бы, целых два года разницы), барыней и белоручкой.

Надо ли говорить, что у обеих были для этого забавно зеркального снобизма все основания.

Впрочем, держались обе вполне rispetабельно, немного чопорно, но доброжелательно.

В паре они были невозможно хороши: Нина Григорьевна – маленькая, хрупкая, тонкорукая, с изящно выточенным лицом – настоящая вдовствующая королева, и наша баба Дина, даже в глубокой старости крупная, статная, с яркими темными глазами, ну чисто библейская Рахиль.

Несмотря на некоторые лингвистические и технические затруднения (баба Дина так до самой смерти и не научилась толком говорить по-русски, да к тому же, обе по возрасту сильно недослышали), беседовали они с удовольствием, светски улыбаясь и кивая друг другу.

Говорили они громко, и не подслушать их было мудрено, а выглядели их диалоги примерно так:

– Вы знаете, – затевала светскую тему Нина Григорьевна, – мои все удивляются, что я так долго живу... А чему тут удивляться, если я за всю жизнь не ударила палец о палец, я никогда ничего не делала, за мной всегда кто-то ухаживал: прислуга, муж, вот теперь – сын и невестка... Ну конечно, я буду долго жить!

– Ай, шо вы говорите, – немедленно подхватывала беседу баба Дина, – от мои тоже удивляются, шо я так долго живу, так я ж всю жизнь работаю, шо твоя ломовая лошадь, мне ж ни присесть, ни прилечь, шо ни одна холера мне не берет – шо ж мне долго не жить!

На самом деле их долгой жизни никто не удивлялся, а все только радовались...

Просто обе почти столетние красавицы по-прежнему хотели удивлять.

Москва

